

На протяжении многих веков развитие европейского города шло по пути территориальной концентрации. Город аккумулировал человеческие ресурсы, умножал население, превращаясь не только в единое архитектурное, но и в единое биологическое тело. Сегодня глобальная вирусная пандемия испытывает город на состоятельность самой идеи урбанизации. Ее вызовы самым драматическим образом обнажают проблемы культуры и традиций социального общежития, субъектности и самосознания городской общности.

Ключевые слова: город; пространство; плотность; тело; телесные практики; городское развитие; коммуникация; пандемия; вирус. /

For many centuries, the European city developed towards territorial concentration. The city accumulated human resources, multiplied the population, while becoming not only a single architectural, but also a single biological body. Today, the global viral pandemic is testing the city for the sustainability of the very idea of urbanization. Its challenges expose the problems of culture and traditions of social coexistence, subjectivity and self-consciousness of the urban community in the most dramatic way.

Keywords: city; space; density; body; corporal practices; urban development; communication; pandemic; virus.

Civitas. Corpus. Virus

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет /

text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

Civitas

С древнейших времен и на протяжении тысячелетий город был местом концентрации человеческой телесной материи и пространством тесноты. Иначе говоря, в среднем на условную единицу городского пространства всегда приходилось весьма значительное количество людей, их тел и всего, что прямо или опосредованно связано с этими телами. Опыт плотности и тесноты городской жизни веками был важнейшим элементом самоощущения горожанина, специфическим модусом его идентичности. О роли и значении городской тесноты в жизненном укладе и повседневности античного Рима не раз замечательно писал выдающийся антиковед, историк и культуролог Г. С. Кнабе. Говоря о невероятной скученности римской жизни, он замечает: «Несоответствие крайне ограниченной территории исторического центра и огромного количества тех, кто стремился не только попасть на нее, но здесь расположиться, людей посмотреть и себя показать, встретиться с приятелем или деловым партнером, сделать покупки, и приводило к той невыносимой тесноте, о которой в один голос говорят римские писатели и особенно выразительно Ювенал:

<...> мнет нам бока огромной толпою
Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора» [1].

Приведенная автором цитата из «Сатир» Ювенала показательно иллюстрирует реальную плотность, в которой повседневно пребывает живое – движущееся и предающееся покою, работающее и отдыхающее, веселящееся и тоскующее – тело римлянина. Г. С. Кнабе отмечает, что в период конца республики и начала империи, то есть в I веке до н. э. и в I веке н. э. теснота в Риме была повсеместной. Скученность царила не только на улицах и площадях, но и во внутренних пространствах общественных зданий. Приводя различные яркие примеры этой скученности, исследователь обращает внимание и еще на одну особенность римской толпы: «<...> количество разнородных дел, которыми люди занимались одновременно на одном и том же ограниченном пространстве» [1].

Количество «дел», а точнее, поведенческих программ, осуществляемых горожанами одновременно на одной территории или в одном пространстве, определяло ключевое качество города как среды разнообразных телесных практик. При этом плотность телесно-пластических событий сопровождалась еще и оглушительным смешением звуков, а также невообразимой концентрацией всевозможных запахов. Весь этот конгломерат жизненных проявлений и чувственных впечатлений необычайно усиливался теснотой тех пространственных пустот (улиц, площадей, дворов, интерьеров зданий и т. д.), в которых разворачивался калейдоскоп римской повседневности.

Архитектура римских городов в ее развитии на протяжении нескольких веков (практически от эпохи царей до империи) дает отчетливое понимание того, насколько стиснутым, сконцентрированным в пространстве и ограниченным в ландшафте был тип поселения (и наполнявшей его жизни), что определяется в антиковедческой традиции понятием *Civitas*. Римская *civitas*, конечно же, эволюционировала и как особый род пространства, и как место человеческого общежития, и как особый тип гражданской общности. Но сквозь всю историю ее развития прослеживается особая ценность (именно ценность, а не просто объективное качество) плотности и тесноты жизни. В Риме и Остии, Геркулануме, Помпеях и Стабиях, Тицине или Лавинии, в колониальных Италике и Бильбилисе – во всех этих поселениях, при весьма существенных различиях их устройства и истории, в той или иной мере сохранились материальные свидетельства архитектурно-пространственной плотности каменного тела города, а значит, и особой «сжатости», компактности человеческой жизни в этих поселениях.

Civitas – не просто город и его пространство, не просто место жизни его населения. *Civitas* – особый уклад гражданских отношений внутри поселения, особый тип пространственно локализованного социума. Теснота римской *civitas* – не только пластический, хореографический или архитектурно-пространственный феномен, но и специфическое проявление демократической традиции городского общежития, глубоко укорененная социальная привычка, восходящая к древности эпохи царей, особо укрепившаяся в республиканский период

^ Рис. 1 Вилла Боскорале. Фреска в интерьере. Изображение отражает плотность городской застройки римских городов эпохи империи

^ Рис. 2 Саркофаг Лудовизи. Битва римлян с варварами. Рельеф. Национальный музей Рима. 3 в. Типичный образец пластической концентрации и телесной плотности в изображении людской массы

и ставшая исторической и социально-психологической инерцией в период империи. Эту, по сути, политическую семантику тесноты, скученности неоднократно подчеркивает ряд исследователей, отмечая также чувство толпы и телесного сплочения – как индивидуальное, так и коллективное – в качестве ощущения приверженности роду, семье, территориальной комьюнити как общностям, обладающим экстраиндивидуальной субъектностью.

Опыт жизни римского города – это опыт кратчайших расстояний между людьми во всех смыслах – от бытового до политического. Это обширный опыт поведения в толпе (опыт телесного равенства с другими горожанами), это, опять же, максимально телесный (аналоговый, сказали бы мы сейчас) опыт межличностных и общественных коммуникаций – от разговоров лицом к лицу до тех форм частного общения и взаимодействия, которые сегодня, в контексте дискурса «новой этики», мы обозначили бы как, например, «рукоприкладство» или «харрасмент». Опыт буквального сближения людей в целях решения практически любых вопросов – от бытовых мелочей до осуществления своих гражданских прав – определяет римскую аксиологию тесноты и задает образец «тесного города» как универсального урбанистического лекала на много веков вперед.

Нам, обитателям современных мегаполисов, довольно непросто понять вышеозначенную плотность и тесноту римской *civitas* как ценность. С позиций сегодняшнего понимания города, с точки зрения актуального урбанистического уклада жизни теснота как повседневная ценность социального причастия, как фактор нашего приобщения к соседству давно утратила смысл. Разумеется, нам тоже знаком опыт тесноты, но он сформирован отнюдь не всем диапазоном ситуаций городской жизни. Наш опыт тесноты – это преимущественно опыт дискомфорта, нежелательных, но вынужденных ситуаций, связанных в основном с осуществлением неизбежных утилитарных функций (общественный транспорт в час пик, магазинные очереди, затесненные офисы и т. п.). Позитивные значения тесноты как формы проявления гражданской общности нам практически неведомы. Если, конечно, не считать полустершуюся память о праздничных демонстрациях советского времени или фактиче-

ски поставленные под запрет любые формы уличной гражданской активности в наши дни (речь, разумеется, преимущественно о российском опыте урбанистической культуры). Пожалуй, единственным видом тесного скопления людей в современном городе остаются в наши дни неполитические массовые досуговые мероприятия. В этом смысле современный отечественный мегаполис в точности следует народным вождениям имперского Рима, который, по выражению уже упоминавшегося выше Ювенала, «<...> о двух лишь вещах беспокойно мечтает: Хлеба и зрелищ! ...».

Говоря о «тесном городе» эпохи республиканского и в значительной степени имперского Рима, нельзя не затронуть связь пластического опыта повседневности с типологией архитектурных сооружений, в которых этот опыт во многом формировался. Собственно, речь прежде всего о двух типах жилых сооружений, обозначивших на историческую перспективу два потенциальных сценария урбанистического развития. Первый тип – так называемый *domus* – в традиционном значении представляет собой обособленный, в основном одноэтажный жилой дом, практически особняк, принадлежащий одной семье, имеющий отдельные выходы на улицу и (в пространстве *civitas*) интегрированный в архитектурную ткань городского квартала. Такой тип дома могли себе позволить наиболее богатые горожане. Второй ключевой тип, получивший распространение примерно с III века до н. э. – *insula* (в буквальном переводе – «остров») – многоэтажный дом с множеством сдававшихся внаем помещений (по сути ячеек). Помещения в первом этаже инсул занимали относительно состоятельные семьи, тогда как верхние этажи, лишённые коммунальных удобств, снимали в основном бедные граждане. Нужно заметить, что при всей типологической противоположности понятий *insula* и *domus*, оба вида зданий тесно сосуществовали и даже нередко переплетались в сверхплотной ткани городских кварталов, что приводило к неизбежному повсеместному и постоянно телесному сближению людей друг с другом в самых разнообразных бытовых ситуациях. В этих условиях «чувство локтя» (как, впрочем, спины, плеча, ноги и многого другого) было повседневной сенсорной конкретикой далеко не метафорического

^ Рис. 4, 5. Рим, форум Траяна. Инсулы на виа Бибератика

свойства. Опыт тесноты, таким образом, был универсальным опытом городской жизни всех социальных слоев и групп, включая как самых бедных, так и самых богатых.

Единение представителей городских низов и состоятельных или высокопоставленных граждан с толпой, непосредственная причастность к массам городского населения были частью не только опыта телесных, но и социальных, а порой и политических практик. Исторические тексты сохранили немало свидетельств «хождения» римских властителей (в том числе и в эпоху империи) в толпу с целью обретения непосредственной, телом ощутимой народной поддержки. Последнее из подобного опыта, что мы можем вспомнить в действительности наших дней – это раннеперестроечные выходы к народу (хоть и в плотном окружении охраны) генсека М. С. Горбачева или популистские проезды первого секретаря московского горкома Б. Н. Ельцина в общественном транспорте. Позже такие телесно-политические практики по известным причинам сошли на нет, и сегодня в социуме, пытающемся в который уже раз реплицировать

v Рис. 3. Остия. Инсула

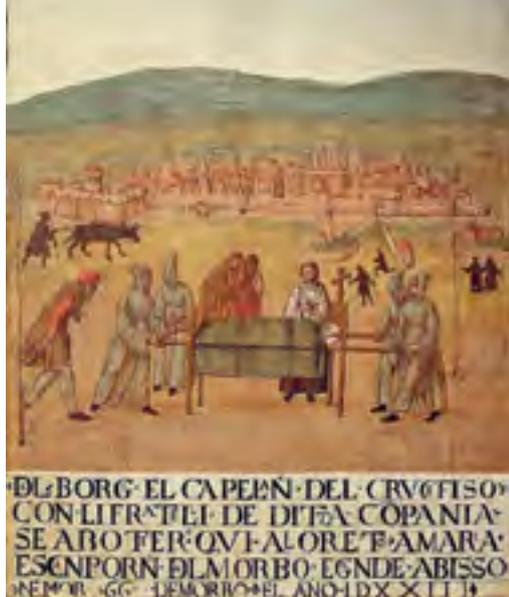
ДНК империи, доминирует противоположная стратегия – стратегия предельного дистанцирования «властителя» практически любого уровня от чреватого неприятными и опасными неожиданностями народного тела.

И сквозной, транссоциальный опыт тесноты, и упомянутая выше архитектурная типология жилых сооружений Древнего Рима имеют важнейшее значение для понимания как всего последующего, так и современного развития города европейского типа, его градостроительных и социальных трансформаций, его рисков и ресурсов, его позитивных и негативных перспектив. Сегодня как еще никогда в истории в силу целого ряда глобальных причин мы имеем условия, возможность и мотивацию подвергнуть критической рефлексии сам концепт *civitas* с целью прогнозирования возможных альтернатив. Такая рефлексия возможна прежде всего через понимание *civitas* как телесного единства, фактически как общего человеческого и урбанистического тела – как «Corpus».

Corpus

Нам, живущим в XXI веке европейцам (пусть и самым восточным, но все же европейцам), воспитанным, несмотря ни на что, на довольно высокой ценности индивидуализма, сложно понять или хотя бы прочувствовать себя и свое тело в монолитном контексте тела городской общности, страны или тем более планеты. Такой опыт телесного единения, вероятно, более внятен религиозному сознанию, в частности христианскому, поскольку в иудеохристианской парадигме, на протяжении многих веков определявшей развитие европейской городской культуры, концепт тела наиндивидуален. Утверждение примата души и одновременная элиминация тела из поля культуры в эпоху становления христианства имели важнейшее значение для трансформаций городской жизни и урбанистической среды.

Развал Римской империи и последующие века стали временем ощутимого упадка городской культуры в ее прежнем, античном понимании. Понятие *corpus* в его целостном, всеохватном смысле, включавшем идею человеческого тела как предмета почитания и восхищения, было вытеснено образами бестелесного Духа. Индивидуальное, принадлежащее конкретному человеку, способ-

^ Рис. 6. Сцена с пилигримами во время чумной эпидемии. Первая половина XVI в.

^ Рис. 7. Похороны жертв черной смерти в Турне. Миниатюра из рукописи Жюль Ле Мюизи «Antiquitates Flandriae». 1349–1352 годы.

ное к физическому наслаждению тело, понимавшееся христианством как средоточие греха, как «омерзительное одеяние души» (по выражению папы и богослова Григория Великого), было фактически вычеркнуто из поля зрения; ему был противопоставлен сакральный образ искупительного, страдающего тела – тела Христа. Мир живого человека, поделенный на духовный, богоугодный «верх» и греховный, телесный «низ», определил соответствующие изменения в символической морфологии тела города с его доминированием храмовых вертикалей над горизонталями улиц, площадей и жилищ, впитавших в себя низовые (в социальном смысле) и низменные (в смысле морально-религиозном) формы жизни.

Христианский дуализм души и тела был вполне буквально спроецирован на город и приоритеты его развития. В то же время на средневековое представление об идеале города оказал влияние и образ Небесного Иерусалима, зафиксированный Иоанном Богословом в Апокалипсисе с такой степенью телесной конкретности в описании его геометрии, устройства, деталей и материалов, что этот универсальный урбанистический прототип легко занял в дискурсе отношений тела и города место самого горожанина, вытолкнув последнего в область невидимого – в мир мифа, воображения и одиночества. Парадокс средневекового города, оставшегося, как и античный город, местом тесноты, заключен именно в этом – в постепенно обозначившемся отчуждении отдельного человеческого тела с его естественными, природой заданными устремлениями и вожделениями, от тела городской общности. По-видимому, именно средневековый город впервые рождает у горожанина чувство «одиночества в толпе».

Средневековый город, живший и менявшийся под неуслышным вниманием церкви, периодически находившийся в условиях острого противоборства церковной и светской властей, столкнулся с двумя модусами урбанистического народного тела – соgrus гражданского сообщества, с одной стороны, и соgrus приходской общины, с другой. Однако на протяжении длительного времени ни то, ни другое «общественное тело» не способствовало повседневной интеграции в них отдельного человека так, как это происходило в римском городе. Живое челове-

ское тело, бывшее для античного города как источником множества проблем, так и инструментом их решения, средневековым укладом оттеснялось на незримую периферию городской жизни. Это пренебрежение живым конкретным человеческим телом как частью общегородского гражданского тела не замедлило сказаться на качестве городской среды и городской жизни.

Конечно, и древнеримские города с их невероятной скученностью населения, с их сверхплотной застройкой, с их невообразимо коррумпированной сферой строительства и территориального развития постоянно находились под угрозой порождаемых подобной теснотой различных бедствий – от пожаров и разнообразных техногенных катастроф (например, частых обрушений зданий) до эпидемий и проблем антисанитарии. Однако же глубинный античный гедонизм, общая и индивидуальная телесность жизни как наслаждения, а также римское чувство народного тела как не просто толпы, а именно гражданского единства – все это приводило к тому, что ресурсы тела становились драйвером решения самых разных городских проблем и мерой солидарного участия в улучшении городской жизни. Иначе говоря, античный город именно через опору на телесную реальность, через сквозную ценность телесности демонстрировал высокий уровень

v Рис. 8. Питер Брейгель Старший. Триумф Смерти. Около 1562. Фрагмент. Прадо, Мадрид. Символическая визуализация неодолимого могущества чумы

> Рис. 10. Таддео Кривелли. Укрывшиеся от флорентийской чумы в церкви Санта-Мария-Новелла. Миниатюра к «Декамерону» Джованни Боккаччо. 1467. Oxford, Bodleian Library

гражданского самосознания. Мифология духа и мораль тела и на уровне индивида, и на уровне общества находились в гармонии, определявшей *corpus* города в точном соответствии с обычно вырываемым из контекста выражением Ювенала (да простит нам читатель уже третье его упоминание): «*Grandum est ut sit mens sana in corpore sano*» («Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом»).

Средневековый город утрачивает античную гармонию ума и тела. Нельзя утверждать, что это однозначно сужает диапазон актуальных телесных практик; просто перечень и содержание этих практик меняются, причем весьма существенно. Город средневековья поляризует верх и низ, божественное и человеческое, его жизнь и тело отчаянно пульсируют между Постом и Масленицей, между молитвой и карнавалом. Эти пульсации отчасти снимают противоречия дуализма души и тела, давая выход подавленным естественным энергиям в момент переключения экзистенциального регистра с «человека

молящегося» на «человека играющего». Но и при этом все же ум с телом не в ладу. Тело, а с ним и заключенный в него человек духовный, умственный подвергаются социальному отчуждению, моральному отторжению, что принимает в конце концов самые разнообразные институциональные формы – от юродивых или странствующих монахов до одиноких рыцарей или ученых-отшельников, противопоставленных культурой городу. Таким образом, европейский город, с одной стороны, еще не потерявший память о своих античных истоках, а с другой – уже переродившийся в организм, преимущественно репрессивный по отношению к человеческому телу, парадоксально запускает на столетия вперед механизм человеческой индивидуации, машину саморефлексии и критического осознания горожанином себя, своей души, своего тела в контексте отношений с другими, своего места в городе и мире.

Позже это становится важнейшим содержанием развития города Возрождения с его артикулированной ролью личности и уже к XVII веку вновь реанимирует в городской культуре ценность телесности, находящую выражение в повсеместном расцвете пластической образности. Сам город как *corpus* испытывает при этом принципиальные трансформации. Запускается ряд пространственных реконструкций многих европейских городов, начиная с градостроительной реконструкции Рима под руководством Доменико Фонтана. Унаследованная городом с древнейших времен плотность и теснота впервые видятся как проблема, требующая решения. Измученные шумом и антисанитарией, хронической затесненностью и ужасом чумных эпидемий, европейские города начинают расчищаться от сдерживающего их развитие архитектурного наследия. В результате они обретают большие открытые пространства, пронизывающие городское тело перспективы широких улиц и т. д. Это, с одной стороны, одаривает горожанина простором, создает потенциальные условия для объединения населения в консолидированных формах толпы, массового шествия и т. п., а с другой – кардинально меняет привычную проксемику, задает новую метрику дистанций между людьми, а значит, потенциально снижает градус интимности межчелове-

v Рис. 9. Михаэль Свертс. Чума в древнем городе. Около 1650–1652 годов. Los Angeles County Museum of Art

< Рис. 12. Канзас. Эпидемический госпиталь для больных испанкой 100 лет назад

ческого общения в городе, ставит под угрозу ценности близости и теплоты общения.

Французский поэт первой половины XVII века парижанин Шарль Вион Далибре так определяет для себя эту новую ситуацию:

Большой и толстый, я с трудом
Вмещаюсь в тесном кабинете,
Где о тщеславии людском
Пишу сонет при тусклом свете.
К чему просторы, если там
Из виду близких мы теряем?
Не лучше ли заняться нам
Пространством, где мы проживаем?
Я в тесноте своей постиг,
Что не был бы я так велик,
Владея царственным чертогом:
В каморку втиснутый судьбой,
Заполнив всю ее собой,
Я стал здесь вездесущим богом.

Стремление обрести мир вокруг, соразмерный человеку и его желаниям, мир, который можно заполнить собой – вот путь к идеалу гуманистической среды, к чувству Бога. Поэтическая интуиция Далибре ставит знак равенства между микрокосмом человеческого тела и миром (а значит, и городом), определяя, таким образом, *согрус* как искомое единство тела и души, как личный Небесный Иерусалим. Пожалуй, это и впрямь могло бы быть идеологией и программой урбанистического развития, если бы не глобализация, начавшаяся, по сути дела, тогда же, в эпоху взывавшего к опыту тела барочного пластического буйства, в эпоху великих географических путешествий и открытий. Именно она в конце концов вывела на планетарную арену такого героя, как *Virus*.

Virus

Опыт санитарных бедствий, многие века терзавших тело «тесного города», прежде всего эпидемий (в особенности чумных) и значение этого опыта для изменений, произошедших в ходе последующего урбанистического развития, до сих пор, как кажется, недостаточно глубоко и точно осмыслены. Немногочисленные попытки этого осмысления с позиций исторической актуализации (см.,

например [3]) говорят о том, что ключевые мотивы кардинальных изменений в развитии городов и жизни в них связаны не столько с частными (приватными, субкультурными, профессиональными и др.) телесными практиками, охватывающими малые группы и сообщества, сколько с теми формами телесной жизни города, которые дают населению реальную возможность ощутить себя единым биологическим телом.

Даже самые страшные эпидемии и экологические катастрофы человеческого прошлого не принимали такого всеобъемлющего, всепланетарного масштаба, с каким население городов мира столкнулось за два последних

< Рис. 11. Неаполь. Вид района Борго Санта Лючия. XIX в.

^ Рис. 16. Китай. Городской отряд дезинфекторов во время эпидемии COVID-19

^ Рис. 17. Гонконг. Старое социальное жилье. Образец дошедшего до наших дней «тесного города»

v Рис. 13, 14, 15. Пара горожан в защитных масках сто лет назад и в наши дни

года в ходе вирусной пандемии COVID-19. Конечно, глобальные вирусные пандемии случались и раньше. Наиболее страшной была эпидемия так называемого испанского гриппа («испанки»), охватившая многие страны и продолжавшаяся с 1918 по 1920 годы. «Испанка» поразила более 550 млн. человек, и счет смертей также шел на миллионы (достоверной статистики потерь нет до сих пор, цифры колеблются от 17 до 100 млн. человек). Это чудовищный показатель утрат, которого нынешняя панде-

мия коронавируса пока, к счастью, не достигла. Но тут важно понимать, что годы эпидемии «испанки» – это совершенно иная (в технологическом, медицинском и информационном отношении) эпоха. Сегодня распространение вирусных угроз происходит в мире, где, с одной стороны, успешно функционируют средства мгновенной связи и оповещения, развитые глобальные информационные коммуникации, где развиты медицина и санитария, а с другой – бесперебойно работают системы скоростных транспортных перевозок и доставок (как наземными и водными, так и воздушными путями) людей и грузов, включая и собственно возбудители болезней.

Не углубляясь в вопросы санитарно-эпидемиологического свойства, отметим, прежде всего, те очевидные гуманитарные смыслы, которые непосредственно связаны с пониманием перспектив урбанистического развития и которые проявила сегодняшняя пандемия.

Во-первых, города, веками эволюционировавшие как плотные сгущения человеческих масс, концентрировавшие людские ресурсы и вырастившие свои инсульты до размера небоскребов, пришли к тому состоянию, когда их население, пусть даже живущее в условиях социальной поляризации, разрозненности и кризиса общения, все же существует как единое тело. Наличие у отдельных частичек этого тела собственной воли никак не отрицает факта биологической взаимосвязи и взаимозависимости этих частичек. Это значит, что города, не желающие уничтожить сами себя посредством бедствий, подобных вирусной пандемии, должны будут положить в основу стратегии своего дальнейшего развития универсальную экзистенциальную ценность коллективного самосохранения и соответствующий инструментарий социального регулирования внутригородских процессов. Эта ценность может реализовываться лишь на основе осознанной ответственности каждого горожанина в качестве «атома» общего городского тела как перед другими такими же «атомами», так и перед урбанистическим *corpus* в целом, что предполагает в роли главного основания городской стратегии не столько экономику или политику, сколько новую гражданскую этику городского общежития.

Второй очевидный смысловой урок, преподанный опытом пандемии, состоит в осознании прямой связи между

< Рис. 18. Толпа как буквальное воплощение «народного тела»

плотностью общегородского тела и его уязвимостью. Скорости распространения болезней в современном мире (при всех мощнейших возможностях противостояния им) говорят о том, что «тесный город» практически исчерпал ресурсы безопасного развития. В отличие от, скажем, средневекового города, он, при всей своей плотности и изначальной замкнутости, уже давно не может (да и не желает) ограничивать себя от внешнего мира. В ходе пандемии меры изоляции города и санитарной сегрегации его населения продемонстрировали свою рациональную целесообразность, но в то же время обнаружили объективное противоречие интересам его успешного развития. Изоляция индивида, семьи или малого сообщества тоже проявилась одновременно и как санитарная необходимость, и как социальная и коммунальная проблема. Это заставляет задуматься о чрезмерной «коммунализированности» современной городской жизни (во всяком случае в мегаполисе), о такой тяге населения к живой («оффлайновой») коммуникации, градус которой превышает разумный предел общественной безопасности. По-видимому, решение этой проблемы возможно в рамках формирования концепции пространственно и территориально менее плотного, более рассредоточенного, но при этом более коммуникационно пронизанного города.

Перечень смыслов, высеченных опытом пандемии, можно было бы продолжать довольно долго, но в ограниченных пределах журнальной публикации стоит отметить лишь самое главное. Любые вызовы времени даются человеку с тем, чтобы он имел возможность через приобретение практического опыта критически осмыслить ту действительность, которую он сам выстраивает вокруг себя в качестве своего человеческого мира. Это в высочайшей степени касается и такого произведения человеческой культуры как город. Да, город – естественный организм, сложнейший симбиоз архитектурного тела и тела городской человеческой общности. Но его благополучное развитие – предмет и результат социальной воли и ответственности человека. Тело города может и должно быть здоровым, а вынесенная в заголовок этой статьи латинская триада должна поменяться всего лишь на одно слово: Civitas. Corpus. Sanitas.

Литература:

1. Кнабе, Г. С. Теснота и история в Древнем Риме // Культура и искусство античного мира : материалы научной конференции. ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1979. – Москва : Советский художник. – 1980. – С. 385–405
2. Трухина, Н. Н. Римская civitas III–II вв. до н. э.: архаический раннеклассовый социум или государство? // Вестник древней истории. – 1989. – № 4. – С. 74–75
3. Ле Гофф, Ж., Трюон, Н. История тела в средние века. – Москва : изд-во Текст, 2016. – 192 с.
4. Ле Гофф, Ж., Цивилизация средневекового Запада. – Москва : изд-во Русская перспектива, 2014. – 478 с.
5. Хэйзинга, Й. Осень Средневековья : соч. в 3 т. – Москва : Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1995. – Т. 1. – 416 с.
6. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 64–69
7. Салмин, Л. Глобальный изолятор // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 37–41
8. Салмин, Л. Град Небесный // Проект Байкал. – 2021. – № 67. – С. 56–63
9. Барри, Дж. Испанка: История самой смертоносной пандемии. – Москва : изд-во Альпина Паблишер, 2021. – 736 с.

References

- Barry, J. (2021). Ispanka: Istoriya samoi smertonosnoi pandemii [The great influenza: The story of the deadliest pandemic in history]. Moscow: izd-vo Alpina Publisher.
- Huizinga, J. (1995). Osen Srednevekovyia [The Autumn of the Middle Ages] (Vol. 1). Moscow: Izdatelskaya gruppa "Progress" "Kultura".
- Knabe, G. S. (1980). Tesnota i istoriya v Drevnem Rime [Lack of space and history in Ancient Rome]. Culture and Art of the Ancient World: Materials of the Pushkin State Museum of Fine Arts scientific conference, 1979 (pp. 385-405). Moscow: Sovetsky khudozhnik.
- Le Goff, J. (2014). Tsvivilizatsiya srednevekovogo Zapada [Civilization of the medieval West]. Moscow: izd-vo Russkaya perspektiva.
- Le Goff, J., & Tryon, N. (2016). Istoriya tela v srednie veka [History of the body in the Middle Ages]. Moscow: izd-vo Text.
- Salmin, L. (2019). The city and the plague. Project Baikal, 16(60), 64-69. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1475>
- Salmin, L. (2020). A global isolation unit. Project Baikal, 17(64), 37-41. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1632>
- Salmin, L. (2021). The heavenly city. Project Baikal, 18(67), 56-63. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.67.1755>
- Trukhina, N. N. (1989). Rimskaia civitas III-II vv. do n. e.: arkhaischeskii ranneklassovyi sotsium ili gosudarstvo? [Roman civitas of the III-II centuries BC: Archaic early class society or state?]. Vestnik drevnei istorii, 4, 74-75.